

УДК 930.23

Егоров Д.И.*Московский государственный областной университет***ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ**

Аннотация. Научная новизна статьи заключается в попытке обозначить причины отрицательного влияния «лингвистического поворота» в постмодернистском виде на нормы профессиональной этики и задачи исследовательской практики исторической науки. Одна из причин видится в некорректном использовании средств литературной критики при интерпретации понятий «историческая теория» и «исторический факт». Развитие исторической науки невозможно без активного взаимодействия со смежными дисциплинами. Но это должны быть научные дисциплины, а не литературная критика. Современным междисциплинарным проектам, особенно тем, что возникли на почве «лингвистического поворота», представляется необходимым учесть пройденный опыт.

Ключевые слова: литературная критика, профессиональная этика, дискурс, постструктурализм, интерпретация, репрезентация.

D. Yegorov*Moscow State Regional University***LITERARY CRITICISM ABOUT THEORETICAL CONCEPTS OF HISTORY**

Abstract. Scientific novelty of the article is in an attempt to designate the reason of the negative influence of the “linguistic turn” in its postmodern kind on the norms of professional conduct and the goals of research in historical science. The author considers one of the reasons of it to be the incorrect use of literary criticism means for the interpretation of the concepts “historical theory” and “historic fact”. The development of historical science is impossible without its active interaction with the related disciplines. They should be scientific disciplines, but not the literary criticism. Modern interdisciplinary projects, especially those which have arisen on the basis of the “linguistic turn”, should certainly take into consideration that experience.

Key words: literary criticism, professional conduct, post-structuralism, discourse, interpretation, representation.

Профессионально-дидактические предписания для историков в первом подобного рода пособии «Как следует писать историю» Лукиана из Самоса-ты (II век н.э.), в наши дни могут показаться наивными: «Итак, да будет мой историк таков: бесстрашен, неподкупен, независим, друг свободного

слова и истины... не мечущийся во все стороны в зависимости от чужого мнения, но описывающий то, что есть на самом деле»; а также: «Задача историков не такова, как у ораторов; то, о чем надо говорить, должно быть рассказано так, как оно есть на самом деле. Ведь все это уже совершилось – надо только расположить все и изложить» [4, с. 94].

Если в первой цитате за препятствием представить прошлое «как оно было на самом деле» просматривается субъективность историка, то во второй цитате препятствием выступает неверная форма описания, где излишняя риторичность – «как у ораторов», может исказить правду.

Субъективно-идеалистические направления в историографии в XIX в (романтизм, неокантианство и др.) обосновывали невозможность всецело объективного познания прошлого, так как невозможно, чтобы исследователи не руководствовались своими убеждениями, интересами, ценностями и т.д. Лингвистические направления XX в, которые представляют Р. Барт, Х. Уайт, Х. Келлнер, Ф. Анкерсмит, авторы «нового историзма» и др., обосновывают невозможность разграничения реализма истории и вымысла литературы, так как они полагают, что риторические средства убеждения подменяют в историографии аргументацию научно-теоретического характера. Отменяют ли высказанные критические суждения профессионально-этические идеалы, обозначенные Лукианом? Конструктивная роль критики заключается в совершенствовании исследовательской практики при сохранении ориентации на профессиональные идеалы. Их скептическое отрицание делает критику деструктивной, в конечном итоге не нацеленной на практический результат.

В отдельных аспектах критические вызовы понимаю исторического познания как идентичного научному виду деятельности были положительно восприняты историческим сообществом: внимание к индивидуальному и уникальному, методологический плю-

рализм, критическая саморефлексия творчества, деидеологизация знания. Но за этим непременно следуют затянувшиеся с XIX в теоретические дискуссии о научном или художественном характере исторического познания, производящие массу неразрешимых эпистемологических проблем, тормозящих развитие историографии и существенно принижающие ее общественное значение. На каждом новом этапе «критика исторического разума» [3, с.187] предстает во все более скептическом и бескомпромиссном варианте. С конца 60-х гг. XX в «лингвистический поворот» в метатеоретической перспективе, то есть с позиций другой дисциплины, анализирует теоретические понятия историографии, приходя к неутешительным для нее выводам. Последовавший радикальный скептицизм был предопределен, так как метатеоретической платформой была избрана литературная критика. Причина скепсиса видится в кардинальной противоположности задач, которые ставят перед собой историки и литературные критики в своей исследовательской деятельности.

Задачи литературной критики заключаются в вынесении субъективной оценки произведению исходя из личных предпочтений критика и реалий его времени, а также в поиске альтернативных форм образного отображения действительности. Эти задачи определяют характерные цели, критерии оценок, правила профессиональной этики, которые не могут быть свойственны историографии. Задачей историка является увидеть сквозь дважды субъективированный текст его объективное содержание [2, с. 143-147], не допускать презентизма в суж-

дениях, искать пути к инвариантной репрезентации действительности прошлого. Необходимо отметить, что литературная критика не тождественна литературоведению, задачи которого – на научной основе раскрыть существовавший культурный контекст произведения, средства которого полезны для обогащения междисциплинарного потенциала исторической науки, так как историки склонны выражаться литературным языком.

В своих рассуждениях представители постструктурализма-постмодернизма опираются на релятивные свойства языкового фактора и направляют усилия на обоснование того, что нет критериев истинной репрезентации картины прошлого, а каждый источник имеет бесконечное количество вариантов интерпретации. Их методология разрабатывалась в среде литературоведов, и цели ее применения определили значение лингвистического подхода как теоретической платформы литературной критики. Отталкиваясь от абсурдной субъективной позиции социального критицизма, постструктуралисты задались целью обличать мифологическую сущность всех без разбора теоретических концепций социально-исторического развития, пренебрежительно названных ими «мета-нарративами». Утверждая, что любые попытки рационально осмыслить прошлое как процесс диктуются идеологическими убеждениями, они без критики относятся к своей леворадикальной философии, не способной предложить реальных путей преобразований и действующей лишь стихийными отрицаниями и протестами. Эта зыбкая платформа оппозиционной европейской и американской интеллигенции 1960-1970-х г. определила

их негативное отношение к исследовательской практике историографии. Работая в рамках поставленных ими псевдопроблем, современный законодатель критериев профессиональной этики – новая интеллектуальная история – приводит к следующим выводам: «... являются ли поиски связанности первой задачей историков? Я так не думаю, поскольку историки предложили и продолжают предлагать много других вещей, помимо связанности. В самом деле, если бы когерентность была их главным продуктом, они были бы мифотворцами и баснописцами, а вовсе не историками. Одна из наиболее важных вещей, которые историки предлагают или должны предлагать, – это критический взгляд на прошлое, на настоящее и на наше использование прошлого в настоящем. Критика здесь означает обнаружение разломов и противоречий – в прошлом, репрезентациях историками прошлого...» [5, с. 356].

Основной задачей всякого исследователя является в целостном и системном виде, то есть на теоретическом уровне, представить выявленные им отдельные положения по конкретной проблеме. Но для историков, оказывается, важнее непрерывно подвергать критике бывшие и существующие концепции исторического знания, которые под влиянием представителей «лингвистического поворота» стали ассоциироваться с «метанарративами» – повествовательными репрезентациями прошлого, сотканными из понятий господствующего идеологического дискурса. Якобы необходимо отказаться от данной спекулятивной практики, увидеть специфику и многообразие прошлого через экспериментирование с сюжетными образами, в

которых можно представить историю. Так, Х. Уайт предлагает историкам заимствовать способы репрезентации у левых направлений авангардизма [7, с. 33-38]. Постмодернисты пошли еще дальше, полагая возможным уподобить историческое повествование их художественным экспериментам, где нет общей сюжетной линии и ясно различимого смысла. Подобные предложения – не что иное, как иррационализация исследовательской практики и подмена задач историографии задачами литературной критики.

Почему историческая наука стала объектом литературной критики? Интеллектуальные движения, такие, как «Тель Кель», ощущали неудовлетворенность культурной обстановкой в середине XX в и находились в поиске форм, альтернативных эстетике модернизма, которая для них являлась олицетворением недостатков буржуазного общества. Учитывая политизированность того времени, критика не ограничилась областью искусства и обратилась ко всем сферам жизни западного общества, став тотальной. Что же можно назвать тотальным, если не включить в это понятие философскую и историческую составляющие? Те же средства, которыми постструктуралисты анализировали произведения О. Бальзака и Э. По, они сочли уместным применить к Гегелю и Ранке. Не делая принципиальных различий между текстами литературными, философскими или историческими, они объединили их по схожим формальным признакам и утверждали, что заложенные в них смысловые значения относительно-изменяемы к контексту употребления, потому не способны отражать действительность. Рациональное ос-

мысление исторического прогресса на научно-теоретической основе – не более чем рассказы (нарративы) об исключительной роли западной культуры, общественного устройства, мировоззрения. Раскрывая мифическую сущность западно-центристских предрассудков, выраженных в историографии, леворадикальная оппозиция выражала свое отношение к существовавшим буржуазным ценностям, колониализму, идеологическому противостоянию и т.д., если они апеллировали к историческому наследию. Ради этих временных по своему характеру целей постструктуралисты не пренебрегли тотальной критикой всего комплекса знания о прошлом и средств его познания.

Для обоснования того, что средства анализа литературной критики имеют значение в практике историографии, прежде всего, необходимо было исказить представления о свойствах эмпирического содержания теорий. Вот как формалистично с этой задачей справился Р. Барт: «С того момента, как в дело вступает язык, факт может определяться лишь тавтологически: упомянутое вытекает из достойного упоминания, а достойное упоминания – начиная с Геродота, у которого это слово утратило свой мифический смысл, – есть всего лишь достопамятное, то есть заслуживающее того, чтобы быть упомянутым. Так мы приходим к парадоксу, которым и регулируется вся система исторического дискурса (в отличие от других типов дискурса): факт обладает лишь языковым существованием (как элемент дискурса), но при этом все происходит так, будто его существование – просто “копия” какого-то другого существо-

вания, имеющего место во внеструктурной области, в «реальности» [1, с. 437].

Барт полагает оправданным пренебречь инвариантностью данных, составляющих факт, по существу, не зависящих от дискурса, в котором они получают интерпретацию. Не важно, посчитал бы Геродот достойным упоминания Марафонской битвы или нет, делал бы это он или персидский историк, смысл произошедшего, и тем более результат, остались бы неизменными. Говорить о том, почему данные инвариантны, представляется излишним, так как ни одно сведение источника не может считаться достоверным, если не имеет подтверждения в других независимых письменных источниках, а лучше – в материальных источниках. Факт появляется, когда данные интерпретируются через теорию, но сама теория данных для источников не создает. Отсюда другое правило исторического исследования – использовать фактические данные того, что можно назвать источником, а не его интерпретации. К тому же опытный историк найдет в произведении Геродота те сведения, которые он не посчитал нужным упомянуть, а наличие скрытой информации уже противоречит утверждению, что факты конструируются семантикой текста. Игнорирование значения общеизвестных исследовательских процедур позволяет Барту выводить надуманные парадоксы, поиск которых – старейший прием литературных критиков, когда ошибки формальной логики выдаются за содержательные.

Если для литературоведа Барта допустимо рассуждать о характере исторического знания в формальном дискурсивном аспекте, то для историка Х.

Уайта это не может быть оправданным. В качестве историка Уайт не разделяет абсурдное мнение, будто всякое знание о прошлом если выражено дискурсом, то не более чем «эффект реальности», и не рассматривает проблемы происхождения сведений, фактов и т.п., он обращается к критике теоретической составляющей знания. Анализируя сюжетные типы, формы риторической аргументации, этико-идеологические подтексты, стили произведений, он пришел к выводу, что в системном виде перечисленные явления составляют синтаксический, семантический и прагматический аспекты исторического познания, то есть весь его теоретический комплекс. В определенных местах Уайт оговаривает, что к его подходу следует относиться как к формализму, то есть провести некий мысленный эксперимент и рассмотреть знание о прошлом с позиций риторики. Но выводы говорят сами за себя – когнитивная безответственность историков, вымышленный характер дискурсов, создающих образы прошлого, эстетическая природа исторического познания и многое другое, не оставляющее и намека на научность знания. Уайт даже предположил, что допустимо репрезентировать прошлое в любой форме, соответствующей потребностям современности [6, с. 18-56].

Высказанные выводы закономерны, так как Уайт в своей книге «Метаистория» не руководствовался теми задачами, которые ставят перед собой специалисты по историографии, а действовал как литературный критик. Он поверхностно касается анализа тех факторов, под влиянием которых складывались способы объяснения и описания прошлого в XIX в, но рассматривает объяснение и описание как взаимосвязанные

компоненты символизации (метафоризации) прошлого, то есть перевода его в систему значений, понятных современнику. Принцип тот же, что и у Барта – языковая природа факта для которого является предпосылкой для интерпретации смысловых значений упомянутых событий, у Уайта – символическая природа теории является предпосылкой для форм репрезентации картины исторического развития. Если Барт не счел нужным принять во внимание, что в исследовательской практике каждое новое смысловое значение факта должно подкрепляться инвариантными данными, то Уайт, «обличая» мифическую сущность концепций развития, не уделяет принципиальное внимание тому, что понятия, характеризующие причинно-следственные закономерности и составляющие научную теорию, должны иметь материалистическую сторону обоснования. Для него законы социального развития – не более чем риторические обороты, актуализированные в определенном культурном контексте. В русле данной логики, надо полагать, если мы изменим смысловое значение понятий, тогда неолитические революции не будут вести к демографическим взрывам, а промышленные перевороты – к урбанизации и т.п., – законы, сформулированные в понятиях, десятки раз проверенные на эксперименте с неизменным результатом. Используя аргументацию формализма, Уайт предопределил сферу применимости своего подхода – это не более чем критика эстетических характеристик исторических произведений XIX в с позиции эстетических предпочтений середины XX в. Собственно, этим и занимаются литературные критики.

Практика подменять изучение объекта изучением дискурсов об этом объекте и бесконечное распыление смыслов текстов утратила привлекательность сейчас у самих литературоведов, где со снижением интереса к постмодернистской литературе утверждаются новые методы анализа – не постструктуралистского характера. Если в среде своего происхождения указанные тенденции преодолеваются, то историография тем более не должна развиваться с оглядкой на них. Изменились те культурные и социально-политические обстоятельства, в рамках которых во второй половине XX в было востребовано подвергать сомнению научный характер эмпирического и теоретического уровней исторического познания с точки зрения левого радикализма и формализма. Проблема, актуализированная в лингвистическом повороте – роль языкового фактора в развитии исторических представлений, не разрешима с позиций литературной критики. При следовании данной практике возникают еще более сомнительные идеи, чем те, которые высказали Р. Барт и Х. Уайт. Например, отказ от макроисторических репрезентаций или «метанарративов», в определении Ф. Лиотара, или антиинтерпретационный подход в «новом историзме». Когда неокантианцы актуализировали роль ценностного фактора, то после надуманного разграничения понадобился целый век для обоснования неразрывной взаимосвязи номотетических и идеографических методов в историческом исследовании. Долговременные дискуссий возможно было избежать, если бы субъективисты не абсолютизировали роль индивидуализирующего

подхода. При всей важности внимания к языковому фактору, сколько понадобится времени, чтобы преодолеть противопоставление дискурсивного и объективного в историческом познании – трудно предположить. Большое внимание сегодня анализу эпистемологических проблем уделяется в новой интеллектуальной истории, но пока ее практика заиклена на создании все новых и новых версий на тему социального конструктивизма.

В ситуации информационной инфляции, фрагментации знания и расплывчатости норм исследовательской деятельности историков более продуктивным представляется приостановить критические вызовы теоретической составляющей исторического знания, которые формулируют не специфические для исторической науки задачи и подрывают идеалы профессиональной этики, например те, что предложены Лукианом. Это всего лишь идеалы, и обосновать проблема-

тичность условий их существования нетрудно, труднее хоть в какой-либо мере приблизиться к их реализации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: изд. им. Сабашниковых, 2003. – 441 с.
2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
3. Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 326 с.
4. Лукиан Самосатский. Сочинения. Т-2. – СПб.: Алетейя, 2001. 538 с.
5. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. – 479 с.
6. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург.: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
7. White H. Tropic of Discourse: Essay in Cultural Criticism. – L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. – 178 p.